

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Н. Г. БАГДАСАРЬЯН** профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, кафедры информационного обеспечения внешней политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Г. М. БИРЖЕНЮК** заместитель председателя Ученого совета СПбГУП, заведующий кафедрами социально-культурных технологий и конфликтологии, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СПбГУП
- А. Г. БОЛЬШАКОВ** заведующий кафедрой конфликтологии Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор политических наук, доцент
- Е. С. ДАШКОВА** заведующая кафедрой экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, доктор экономических наук, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- А. Р. КЕТОВ** доцент кафедры конфликтологии СПбГУП, кандидат политических наук
- О. П. КУТЬКИНА** проректор по учебной работе Алтайского государственного института культуры, кандидат педагогических наук, доцент
- В. Е. ЛЕПСКИЙ** главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор психологических наук
- Д. В. ЛОБОК** доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат исторических наук
- В. К. МАМОНТОВ** председатель совета директоров газеты «Комсомольская правда», генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет»
- А. В. ШЕРШУКОВ** заместитель председателя ФНПР, главный редактор Центральной профсоюзной газеты «Солидарность»
- Н. Н. ЯРОШЕНКО** заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры, доктор педагогических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Добрый день, коллеги! Приветствую участников секции от имени Оргкомитета XX Международных Лихачевских научных чтений! Очень радостно видеть здесь и маститых ученых, и молодежь. Акцент нашей сегодняшней дискуссии делается на серьезных трансформациях мирового пространства. Желаю студентам, когда придет время им сменить нас за этим столом и на этой трибуне, быть ярче и интереснее нас. Лихачевские чтения (первоначально они назывались «Дни науки») проводятся в СПбГУП с 1993 года, и для меня, как председателя Оргкомитета, очень важно, чтобы здесь шли содержательные дискуссии между мыслителями прошлого, настоящего и будущего. Надеюсь, наши встречи запомнятся вам как светлые дни, посвященные науке. Позвольте пожелать вам успеха!

Д. В. ЛОБОК: — Итак, открываем работу нашей секции. Хочется, чтобы здесь состоялось живое, интересное обсуждение. Предоставляю слово профессору Григорию Михайловичу Бирженюку.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Добрый день! Позвольте всех вас приветствовать от имени Оргкомитета Чтений. Тема

нашей секции — «Россия в глобальном мире: новый этап истории». Хотелось бы наметить проблемы, которые можно сегодня обсудить.

Начнем с нового этапа, новой страницы российской истории — этот вопрос может стать самостоятельной темой дискуссии. Дело в том, что мы уже не первый раз открываем новую страницу — хрущевская оттепель, Афганская война, горбачевская перестройка, ельцинская демократия и так далее, но при этом не можем разобраться со старыми: как в школе — выбрасываешь тетрадку, начинаешь новую, и кажется, что все будет хорошо. Между тем осмысление прошлого — это достаточно серьезный вопрос, не менее серьезный, чем формирование будущего. Александр Сергеевич Запесоцкий во введении к своей книге «Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций» приводит слова Вальтера Беньямина: мы живем в «мессианское время», которое характеризуется незавершенностью прошлого и неполнотой настоящего. Действительно, мы никак не можем завершить прошлое, пытаемся это сделать неправильными средствами, например пороча его или отказываясь от него. Отсюда вечная неполнота настоящего. Это вопрос концептуальный, смысловой и в то же время практический. И эту задачу

придется кому-то решать — как представляется, в формате сценария развития дальнейшей истории России.

Философ Вадим Цымбурский написал эссе «Остров Россия», опубликованное в 2007 году. Сегодня это одна из самых цитируемых философских работ, потому что все предсказания автора сбываются. Цымбурский предложил модель России-острова, и сейчас наиболее вероятный сценарий развития нашей страны на ближайшие 10–15 лет — именно «островизация». Такой прогноз дал специальный представитель президента России по вопросам цифрового и технологического развития, гендиректор автономной некоммерческой организации «Платформа Национальной технологической инициативы» Дмитрий Песков в интервью РБК.

Идея «островизации» понятна: производство всей продукции своими силами. Пока ни одной стране это не удалось. В Северной Корее следование идее «чучхе», предполагающей полную изоляцию от внешнего мира, закончилось голодом и огромным отставанием во всех ключевых областях экономики. Современный Китай производит почти все виды продукции, но тем не менее зависит от рынков и промышленного потенциала многих других стран.

В русской культуре остров всегда отождествлялся с раем, достаточно вспомнить остров Буян. Но также это слово рождает ассоциации с Робинзоном Крузо, который подбирал разные вещи, выброшенные на берег океаном.

Россия в сложившихся условиях воплощает обе эти метафоры. С одной стороны, нам представилась прекрасная возможность проявить себя и реализовать наши лучшие идеи. С другой — мы спешно пересматриваем то, что было раньше.

Один из ключевых вопросов сегодня — идеологический. О нем много говорилось на пленарном заседании и во время панельной дискуссии Чтений. Мы находимся в уникальной ситуации. Речь идет о том, что ст. 13 Конституции России гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». При этом в преамбуле документа говорится: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации». Это фактически утверждение ценностей, которые составляют основу идеологии. В ряде выступлений Президента, Председателя Госдумы, Председателя Совета Федерации России обозначаются ценности, определяющие российский менталитет, делающие россиян единым народом.

А. С. Запесоцкий еще в 2016 году писал в «Парламентской газете»: «Сама российская Конституция — идеология, воплощенная в законе. И все другие законы содержат в себе идеологию. Государство, способ его построения и механизмы функционирования — тоже идеология, воплощенная в реальность. Уже с этой точки зрения ст. 13 — отрицание Конституцией самой себя».

Иными словами, идеология в своей основе сформирована и формируется далее, но при этом отрицается законодательно. Данную проблему, видимо, можно и нужно продолжить обсуждать в контексте философии, политологии, культурологии, социологии.

Островизация ставит на повестку дня вопросы, которые определяют будущее страны на ближайшую и отдаленную перспективу. Оно формируется на основе инвентаризации настоящего. Яркий пример — образование. Мы прозрели: Болонский процесс нам не нужен. Получается, до 2002 года мы это знали и изо всех сил боролись за сохранение советской системы образования, затем тема оказалась закрыта: вышли директивные документы по включению России в Болонскую систему. И вдруг сегодня оказалось, что она нам все-таки не нужна. Примечательно в этой истории то, что заявления о выходе из Болонского процесса — тоже своего рода симуляция, потому что нельзя выйти оттуда, куда не входил. Смысл Болонского процесса ведь заключается не только и не столько во введении бакалавриата и магистратуры. Содержание программ российских вузов не согласуется с содержанием зарубежных, академическая мобильность по большому счету осталась в мечтах, а вот потери нашего образования весьма ощутимы. Они будут чувствоваться еще долгое время, причем в условиях островизации — еще острее.

Представляется, что можно осмыслить и эти вопросы в сегодняшней дискуссии.

Еще один серьезный вопрос, который отчасти связан с образованием, состоит в том, что мы столкнулись с коллапсом в области занятости молодежи. В 2019 году, еще до начала пандемии, безработица среди молодых людей выросла на 43 %. Причина заключается в том, что из средних и высших учебных заведений выпустилось около 780 тыс. человек и примерно столько же не вышло на пенсию. Около 15 лет назад мы давали заключение по проекту пенсионной реформы, где указывали: легко подсчитать, сколько денег она поможет выиграть, и гораздо труднее вычислить, сколько молодых людей оставит без работы, денег и будущего. Какие меры предлагают принять власти? Увеличить обучение в школе до 12 лет и возродить стройотряды для студентов. Увеличить время обучения — это то же, что увеличить число мест в зале ожидания и сократить число поездов. Настанет день, и люди начнут выражать недовольство. Кого они будут поддерживать? Это очень серьезный вопрос.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется известному журналисту Владимиру Константиновичу Мамонтову.

В. К. МАМОНТОВ: — Все изменилось, и в нашу жизнь ворвались явления, не принадлежащие сфере сериалов, виртуального пространства и размышлений, — явления, гораздо более серьезные и глубинные. Какая «Игра в кальмара»? Идет спецоперация — я не мог себе этого представить.

22 февраля я написал на своей странице в Facebook: «Киевляне, спите спокойно!» Притом я специально опрашивал многих толковых людей, в том числе тех, которые присутствовали вчера на пленарном заседании, депутатов Государственной Думы. Точно так же, как и я, они не могли представить, что события могут развернуться подобным образом. Конечно, если бы любого из нас спросили тогда, останется ли мир таким же, какой он есть, мы бы ответили отрицательно. Но сам ход событий, сама степень турбулентности оказались непредсказуемыми для всех,

кроме тех, кто принял это важнейшее решение и действует в соответствии с ним.

Нужно очень внимательно отнестись к аргументации тех, кто говорит, что другого выхода у нас не было. Его действительно не было: наша страна столкнулась с экзистенциальным вызовом. Если мы не смогли разрешить ситуацию другими средствами, то придется доказывать правильность нашего пути военными методами.

Григорий Михайлович говорил о взгляде Цымбургского на Россию как на остров. Этого философа я в целом уважаю, но думаю, что идея островизации глубоко ошибочна. Перекресток гигантских мировых течений не может быть островом. Такая стратегия, вероятнее всего, обернется трагедией. Хотя пророк из меня, как я уже говорил, получился неважный, но я считаю, что остров из России сделать не удастся.

Мы выпускаем «Цирконы», «Буревестники», «Сарматы» и другую значимую и нужную продукцию, причем не только военного назначения, но некоторым вещам, например производству гвоздей, не уделяем должного внимания. Стране, которая не заботится о подобных вещах, трудно в сложную минуту отстаивать свой суверенитет. Вот что с нами случилось. Подход, предполагающий, что можно все необходимое покупать, а не производить самим, приводит к тому, что люди меняются, перестают предлагать технологические решения. В школах теперь нет уроков труда, и это пугает.

Какое место мы занимаем в мире? Мы добывали уголь, нефть, другие полезные ископаемые, продавали их Западу и думали, что сможем так жить и дальше. Оказалось, что нет. Выяснилось, что Запад, которому мы все продавали и у которого все покупали, не собирается платить нам достойно. Ведь Россия продает свою кровь и плоть (нефть, газ, уголь, интеллектуальный потенциал населения) и покупает то, что делает ее великой державой. Российская армия оснащена оружием высочайшего уровня. У меня есть знакомый (сейчас он политолог и философ), который работал в зарытом советском научном институте над созданием оружия с ядерным двигателем. В 1990-е годы разработки были прекращены: это же опасно, это может вызвать недовольство американцев... А сейчас ракеты с таким двигателем называются «Буревестник», и они действительно могут сильно напугать американцев.

Именно благодаря оборонной промышленности мы восстановили свой статус после распада СССР. Мы держимся на армии. На чем еще? Это интересный и важный вопрос, ответ на который нам придется искать вместе.

Итак, резюмирую. Во-первых, обязательно нужно победить в противостоянии на Украине. Победа чрезвычайно необходима и, считаю, неизбежна.

Во-вторых, островизация — это не выход. Мы слишком тесно связаны с глобальным миром в технологическом смысле. Возможно, мы должны развернуть глобализацию, заставить ее идти не тем путем, который выгоден тому миру, который нас не принял. Значит, нам нужна другая глобализация — возможно, стоит начать со сближения с восточными соседями.

В-третьих, всем нам, и особенно молодым людям, нужно сохранять здравомыслие и спокойно, вдумчиво относиться к собственному будущему. Оно не безоблачно. Одно ЕГЭ будет недостаточно, вам придется активно учиться, познавать мир по-настоящему, выникать в его устройство. Импортзамещение должно произойти в первую очередь в голове. Я не имею в виду, что нужно ставить Ломоносова выше Лавуазье и пр. Не столь важно в данном случае, кто на самом деле изобрел радио — Мар-

кони или Попов. Важно то, как подобные изобретения мы сегодня, а вы завтра будем использовать, модернизировать и чего с их помощью добиваться. Не хотим же мы провести жизнь в офисе, переключая виртуальные бумаги из одной папки в другую.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется Александру Владимировичу Шершукову.

А. В. ШЕРШУКОВ: — Новая страница истории России по большому счету не так уж и нова, скорее можно говорить о цикличности.

Что касается идеи России-острова, то хотелось бы в этой связи вспомнить слова Джона Донна: действительно, никто не остров. Любая страна — существенная часть мировой цивилизации.

Здесь, на мой взгляд, уместны слова одного из политических деятелей, которые определили судьбу нашей страны в прошлом веке (конечно, надо учитывать, что слова эти политически ангажированы и связаны со взглядами, которые он отстаивал на протяжении всей жизни): «Знамя национальной независимости, национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять».

Эти слова произнес Иосиф Виссарионович Сталин на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза в 1952 году — в своем последнем публичном выступлении. Это старые страницы нашей и мировой истории, но сейчас мы к ним возвращаемся: события повторяются — и национальный суверенитет, и буржуазно-демократические свободы вновь выбрасываются за борт.

Для России сейчас существенно проблемы, возникающие не только на внешнем контуре, но и внутри страны. Одна из самых значимых внутренних проблем заключается в следующем: объединение населения в основном идет по линии «мы против», что вполне естественно в ситуации такого агрессивного внешнего воздействия. Но нужно разработать и концепцию «мы за», причем такую, которая будет актуальна не только для государств бывшего Советского Союза, но и для других стран, ведь, например, Эфиопии концепция «русского мира» точно не близка.

Возвращаясь к сегодняшнему дню, я хотел бы сказать, что тема четкого образа будущего для нас весьма актуальна. Однако этот образ необходимо формулировать, руководствуясь экономическими и социальными принципами, а не принципами технократии. Все принимаемые решения должны осмысливаться с точки зрения последствий для населения страны вообще и работающего населения в частности. Это очень важно, потому что нам предстоят достаточно сложные времена. Насколько длительными они будут — вопрос открытый.

В России следует отладить механизм обратной связи между властью и обществом. На Лихачевских чтениях много говорилось о том, что в стране нет идеологии и ее необходимо сформулировать. Однако отсутствие официального документа, где она прописана, не означает, что отсутствует и сама идеология: она наличествует, но не зафиксирована на бумаге в виде определенной программы. Если многие мыслящие люди говорят о том, что она необходима, значит, устройство нашей страны не вполне правильно и следует приложить совместные усилия, чтобы появилась задокументированная формулировка идеологии и народ принял ее как внутреннее убеждение.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется академику РАН Надежде Гегамовне Багдасарьян.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — В первую очередь я хотела бы отреагировать на некоторые замечания коллег. Владимир Константинович, по поводу гвоздей можно вспомнить мем, описывающий русскую ментальность, — Левша: подковать одну блоху — пожалуйста, выковать миллионы гвоздей — это не к нам, а к китайцам. Такой у русского человека характер.

Что касается замечания Александра Владимировича о технократии, то напомним, что Михаил Викторович Шмаков как раз технократ, выпускник Технического университета им. Н. Э. Баумана, его яркими выступлениями сопровождается каждое наше посвящение в студенты. Он, безусловно, защитник людей, но в то же время технократ. А вообще, не каждый выпускник технического вуза технократ, но и не каждый гуманитарий — гуманист.

Теперь хочу сказать несколько слов по поводу прошедшего пленарного заседания. В обсуждении прослеживались две основные темы: образ России и необходимость идеологии. Вряд ли кто-то не согласится с тем, что идеология нужна, но дальше возникают разногласия. Что должно лежать в ее основе? Сергей Юрьевич Глазьев вчера попытался вывести идеологическую формулу, но она не бесспорна. Должна ли идеология быть социально-консервативной и базироваться на таких институтах, как семья и брак? Не хочу показаться бегущей впереди паровоза, но, на мой взгляд, устройство современного мира уже предполагает нечто иное. Остров — это красивый образ, но может ли Россия действительно развиваться в этой парадигме?

Каким способом можно добиться идеологической общности в нашей стране? Понятно, что надо прививать молодежи патриотизм. Но как это сделать? Сегодня предлагаются краткосрочные решения. Например, господин Мединский предложил каждое утро поднимать в школах флаг и петь перед началом занятий гимн. Как вы считаете, воспитаем мы патриотов таким образом? Конечно, нет. Кроме того, есть важный нюанс: такой подход к воспитанию граждан-патриотов принадлежит не нам, а американцам. Еще и поэтому предложение кажется не совсем удачным.

Между тем сегодня глава Рособнадзора сообщил, что ЕГЭ сохранится.

В. К. МАМОНТОВ: — Непонятно, сохранится ли сам Рособнадзор.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Совершенно верное замечание. Возможно, вопрос стоит решать радикально.

Я была крайне огорчена, когда в конце февраля зарубежные ученые сообщили о том, что они разрывают с нами связи. Эта позиция меня потрясла: ведь мы же коллеги! Наука не может развиваться изолированно в отдельно взятой стране. Становится очень грустно оттого, что она находится под таким влиянием политики.

Размышляя о перспективах дальнейшего развития мира, мы должны признать, что сегодня Россия оказалась в очень тяжелом положении. Возможно, кого-то успокаивает мысль о том, наша страна воевала на протяжении всей своей истории. Но никогда до 24 февраля 2022 года она года не находилась в таких условиях столкновения цивилизаций. Не случайно Лихачевские чтения много лет подряд были посвящены теме диалога цивилизаций и культур. Конечно, для всех, кому важен мир (в любом

смысле этого слова) — как состояние или планета — случившееся стало огромным потрясением.

Так вот, размышляя об этих перспективах, единственное, что мы сейчас можем точно сказать: «Мы ничего не знаем». Вероятно, когда будет выступать Владимир Евгеньевич Лепский, он мои слова опровергнет. Но я полагаю, что невозможно с достаточно высокой степенью определенности предсказать, что будет с международными институтами, мировой финансовой архитектурой, научными и межуниверситетскими связями, которые нарабатывались с таким трудом. Находить партнеров было сложно, и конечно, будет жалко, если контакты прервутся. Смысл деятельности многих людей моего поколения потеряется.

В состоянии тревожности, которое в настоящее время испытывают граждане не только России, но и многих других стран, прямо или косвенно втянутых в российско-украинское противостояние, ориентиры и цели людей смещаются в сторону свободы, безопасности и стабильности. Я говорю об этом как социолог, культуролог и философ. По каким показателям можно судить о подобных вещах? В частности, по рейтингу стран мира по уровню счастья населения, который составляет Институт Земли. В 2022 году на первом месте в этом рейтинге — Финляндия, на втором — Дания, на третьем — Исландия, далее — Швейцария, Нидерланды, Люксембург, Швеция, Норвегия, Израиль и Новая Зеландия. А Россия — на восьмидесятом месте.

В. К. МАМОНТОВ: — Граждане этих стран считают, что живут счастливой жизнью. Но там скучно, ничего не происходит по несколько сотен лет. Видимо, правду говорят: счастлива та страна, у которой скучная история.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — В этом зале выступала Генеральный консул Финляндии в Санкт-Петербурге Анне Ламмила. В беседе с ней я сказал, что абсолютно счастливого человека в России будут, вероятнее всего, считать глупцом, блаженным, не очень здоровым человеком и так далее, потому что в русской культуре всегда есть момент отягощенности бытием, ответственности за судьбу мира. Как писал Андрей Битов, «постоянная российская озабоченность судьбой Пизанской башни». Анне Ламмила сказала, что в моих словах что-то есть.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Нужно учитывать, что кроме формальных индикаторов счастья имеются и косвенные показатели: уровень доверия, великодушия, щедрости и др. В России говорят: «Хочешь быть счастливым — будь им». К этому вас и призываю.

А. В. ШЕРШУКОВ: — Возвращаясь к тому, о чем уже говорили, хочу добавить, что нам нужно суметь пройти по тонкой грани между защитой суверенитета нашей страны и неправомерным ограничением гражданских свобод. Это очень сложная задача, которую предстоит решить законодателям.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется доктору политических наук Андрею Георгиевичу Большакову.

А. Г. БОЛЬШАКОВ: — Как конфликтолог, хочу сказать, что разжигание конфликтов в некоторых ситуациях — это часть профессии. Но есть конфликты, к которым надо относиться трепетно, например межнациональные и межрелигиозные. Глобальные конфликты отчасти зависят от нашего участия, отчасти нет, как современный

кризис безопасности, который произошел на наших глазах и участниками которого мы стали.

В настоящее время, если судить по данным социологических опросов, власть достигла консенсуса с народом. Но это не означает, что так будет и дальше, потому что ситуация постоянно меняется, в том числе и в экономике. Россия выдержала первый удар, но неизвестно, что будет в долгосрочной перспективе и как мы к этому будем относиться. Следует учитывать и проявления на бытовом уровне, служащие определенным показателем, куда мы движемся.

Хочу отметить, что СВО решает проблемы, которые зрели давно. Конфликт обуславливает развитие, но существовать внутри него нелегко. Это испытывает на себе все общество, а не только вооруженные силы, активно участвующие в спецоперации. Рано или поздно, как известно из теории конфликта, положение стабилизируется. И в этом случае возможны международные последствия: в американской политике могут произойти радикальные изменения, которые повлекут за собой глобальные изменения. Я имею в виду выборы в Конгресс США в ноябре 2022 года, а также выборы президента США в 2024 году. Полагаю, если республиканцы получат большинство в парламенте, начнется долгая юридическая процедура импичмента Байдена. И мы должны этим воспользоваться. Ни в коем случае не присоединяюсь к тем, кто уверен, что, когда к власти придут люди типа Трампа, все наладится. Они уже были у власти, и что из этого вышло? Нашу страну обвинили в том, что Трамп занял свой пост при ее содействии. Хочется надеяться, что Россия когда-нибудь достигнет таких высот, что сможет менять американских президентов. Но пока мы не можем на это надеяться. Наша страна постепенно становится центром силы, каким был Советский Союз, но, к сожалению, не смогла стать новой Россией за последние 30 лет.

Несколько слов о перестройке системы образования. Мы не сможем быстро реформировать систему образования, так как она изначально консервативна. Я начал свою карьеру преподавателя в 1992 году. И с этого момента не было ни одного года, чтобы не проводились какие-либо реформы. Считаю, что в сфере образования надо на пять лет прекратить все реформы и посмотреть, что получится. Сейчас наспех вводить специалитет опасно. Нужно понять, как соотносятся бакалавриат и магистратура, могут ли они сосуществовать со специалитетом. Поэтому, мне кажется, быстрого перехода не будет. Людей, получающих высшее образование (которых миллионы), нельзя ставить в зависимость от мнения узкой когорты экспертов, которые решают, как будет выстраиваться образование.

И последний момент, связанный с информационной войной. На мой взгляд, в этой области дело обстоит хуже всего. Разные эксперты высказывали мнение, что Россия потерпит крах на уровне экономики. Но этого не произошло. Чтобы процессы продолжались в том же направлении, нужно предпринимать активные действия. Академик Глазьев, один из лучших российских экономистов, вчера четко обозначил позицию. К его мнению раньше не прислушивались, так как у нас была популярна либеральная повестка. Сегодня, как представляется, с этим пора заканчивать, но действовать не спеша.

Д. В. ЛОБОК: — Андрей Георгиевич, в своем выступлении Вы упомянули, что гражданское общество за рубежом практически не поддержало Россию. В то же время в годы холодной войны люди в Германии и Италии выхо-

дили на демонстрации, выступая против ядерной войны. Почему сейчас этого не происходит?

А. Г. БОЛЬШАКОВ: — Это сложный вопрос, поэтому на него невозможно ответить однозначно. Я бы не стал утверждать, что общественное мнение в других странах настроено против нас, особенно в государствах СНГ. По собственному опыту работы с коллегами из Средней Азии могу сказать, что там наблюдается разделение по возрастному признаку: человек старше 50 лет однозначно поддерживает СВО и действия России, симпатии 30–40-летних, скорее всего, будут на стороне Украины. Почему так сложилось? На мой взгляд, теория демократии не действует так, как мы привыкли ее интерпретировать, в том числе и в нашей стране. Люди поддаются влиянию пропаганды. Если раньше у нас была возможность иметь свою точку зрения, то сегодня такого шанса нам не оставляют.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется профессору Екатерине Сергеевне Дашковой.

Е. С. ДАШКОВА: — Наша колоритная секция представлена учеными из различных областей и направлений: политологами, культурологами, социологами, я представляю экономический блок, потому что являюсь доктором экономических наук.

Я хотела бы обратить внимание на трансформацию ценностей человека и общества. Григорий Михайлович в своем выступлении затронул проблему молодежной безработицы. Этой темой я глубоко и предметно занимаюсь на кафедре экономики труда и основ управления. На самом деле проблема молодежной безработицы существует уже много десятилетий. Исследования, которые проводятся в том числе в нашем университете, свидетельствуют о такой проблеме: ожидания студентов и их мотивы не совпадают с требованиями, которые предъявляет работодатель. Помимо этого, имеется и другая проблема — кого и как мы учим. Здесь тоже наблюдается определенный дисбаланс. Молодежная безработица обусловлена разными причинами, в том числе ценностными ориентирами молодого поколения. Молодежь сегодня в большей степени ценит досуг, ориентирована на то, что материальный успех и благополучие должны быть подкреплены удачей и связями, но не трудовой деятельностью и профессиональными достижениями. Этот разрыв порождает проблемы.

Если говорить глобально, не затрагивая трудовых мотивов, к сожалению, в целом такие ценности, как справедливость, любовь к Родине, сегодня утрачены современным обществом. Как возродить эти ценности? Мы говорили об идеологии. Предметом обсуждения сегодня является вопрос, каким образом это можно сделать. Какие существуют механизмы, инструменты возрождения? На мой взгляд, в любом случае это нужно делать системно. Невозможно что-либо изменить, улучшить, усовершенствовать, если процесс не будет носить системный характер. Нельзя не учитывать и специфику сегодняшнего информационного общества, то, что она влияет на современную молодежь, их ценности, ориентиры, в том числе трудовые.

В ходе обсуждения был затронут вопрос патриотизма: можно ли использовать внешние механизмы и административные способы для его воспитания? Кто-то считает, что патриотизм в школе невозможно возродить, если каждое утро петь гимн и поднимать флаг. Я бы поспорила с этим утверждением. Я не считаю это инструментом, если

использовать его внесистемно, но в совокупности с другими механизмами он может дать позитивный эффект.

В рамках курса «Социальное партнерство», который я читаю студентам, мы пришли к выводу, что именно государство превратило рабочих и крестьян в пролетариат, полноправных партнеров капиталистов. Если мы говорим об административном воздействии, то это уровень организации, если речь идет о государстве, то это ресурс власти. Поэтому я считаю, что такие способы возрождения ценностей дают позитивный результат. Я наблюдала следующую ситуацию в мае, когда в школах только ввели исполнение гимна: дети младших классов, играя на детской площадке, напевали его. Безусловно, сейчас мы не можем говорить о результатах, потому что они предполагают временной период.

Помимо административного существует морально-психологическое воздействие — личный пример. В совокупности с другими инструментами он имеет действенный характер. Воспитывать и развивать патриотизм у школьников, студентов необходимо, демонстрируя им собственный патриотизм (я говорю о преподавателях школ, вузов, семье). Например, в рамках акции «Бессмертный полк».

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Екатерина Сергеевна, меня интересует вопрос об индикаторах патриотизма. Нужно понимать, что мы формируем и насколько успешно. В нашем Университете обсуждалась диссертация на тему патриотического воспитания, которую защищал военный, и в ней были обозначены рубежи воспитания патриотизма. По мнению диссертанта, высший рубеж — это защищать Родину. На что мой коллега Александр Петрович Марков возразил, что это патология: на Родину никто не нападает, но мы намерены ее защищать. Каковы индикаторы патриотизма?

Е. С. ДАШКОВА: — Возможен как формальный, так и реальный патриотизм. Мне, как экономисту, сложно назвать конкретные индикаторы патриотизма. Например, патриотизм в пандемию проявился специфическим образом среди медиков: одни продолжали лечить, другие приняли решение уйти в платную систему здравоохранения, забыв об истинном предназначении и о том, что они давали клятву Гиппократу. Все по-разному относятся к тому, что такое патриотизм. Это прежде всего любовь к Родине. Но мне сложно сказать, как его можно измерить и какие индикаторы можно предложить.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Что и как мы формируем и не получим ли обратный результат? Важно отслеживать этот процесс.

Е. С. ДАШКОВА: — Согласна. Когда закладываются определенные индикаторы, которые будут раскрывать содержание категории, должны создаваться инструменты и механизмы, обеспечивающие достижение целей.

Д. В. ЛОБОК: — Я, как и многие старшие коллеги, вырос под другим флагом. Каждое утро в пионерском лагере, куда я ездил в детстве, поднимали красный советский флаг, и я испытывал чувство гордости за Советский Союз. Честно скажу, я первые восемь лет не воспринимал российский флаг, считая его символом тех, кто развалил ту страну, поэтому вопрос патриотизма для меня не праздный: я не стал патриотом России в 1991 году. А моя восьмилетняя дочка гордится Россией, она родилась с этим ощущением.

Е. С. ДАШКОВА: — Патриотизм прививался (в том числе СМИ), мы любили Родину, потому что другого отношения не могло сформироваться. Мы не слышали ничего плохого о своей стране. А сегодня интернет-пространство формирует совсем иное отношение к Родине и патриотизму. Насколько мы контролируем то, что сегодня смотрит, слышит и воспринимает молодое поколение?

Д. В. ЛОБОК: — Во всяком случае, я бы опасался определять индикаторы патриотизма. Если человек соответствует по первому, второму, третьему пунктам, значит, он патриот, а если по одному пункту не отвечает, значит, у него отсутствует патриотизм. Патриотизм — более глубокое чувство, его нельзя измерить в процентах. И вообще опасно это чувство подводить под индикаторы и делить таким образом людей на врагов и друзей. Индикаторы не показывают, является человек патриотом или нет.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Однако такие индикаторы существуют. В частности, молодежи можно задать вопрос, как они видят свое будущее, хотят уехать из страны или остаться. Это один из индикаторов, который, может быть, не в прямой, но в косвенной форме отвечает на поставленный вопрос. Если опрос проводился корректно, то мы можем ориентироваться на эти индикаторы.

С точки зрения науки у меня возникло одно методологическое замечание. Мне не нравится слово «возрождение», в данном случае — патриотизма. Дело в том, что культура и вообще социальная динамика так устроены, что действует стрела времени и ничего нельзя возродить. Поэтому предлагаю быть более аккуратными в использовании слова «возрождение», которым сегодня часто манипулируют.

Е. С. ДАШКОВА: — Возродить — значит и модифицировать, трансформировать. Так, есть понятие «справедливость», которое сложно измерить. Но можно говорить о возрождении справедливости, что актуально во все времена.

В. К. МАМОНТОВ: — Хотел бы сказать несколько слов по поводу патриотизма и ответить на этот вопрос. Поднимите руку те, кто не считает себя патриотом? Восемь человек. Что вам мешает быть патриотом? Многие из присутствующих — реальные патриоты. Может быть, не формулируют это для себя, не поднимают утром флаг, но определяют себя как патриоты России, кроме восьми смелых. Но и те потом либо передумают, изменят свое мнение, либо уедут. Это к вопросу о том, как и что мы формулируем. Я, например, не поднял руку, как и многие в этом зале, потому что считаю себя патриотом. У меня есть список претензий к Родине, но она моя, это моя мать.

Несколько слов о сложившейся ситуации. Никто не понял, в чем состоял хитрый план введения санкций. На данный момент, несмотря на курс доллара, доходы российского бюджета в рублях составляют плюс 3 трлн от плана до начала года. К концу года такими темпами доходы составят 7 трлн, притом что бюджет равен 25 трлн. То есть мы получим 7 трлн прибыли в результате того, что нас отцепили от этого паровоза. Конечно, Россия стала меньше импортировать, но никто от этого не умер. Кроме того, на Западе есть технологически сложные вещи, без которых нам будет очень непросто. Отток капитала из России упал до нуля. Более того, мы наблюдаем приток капитала, потому что средства производства компаний, которые заявили об уходе, остались в нашей стране

(McDonald's переформатировался и пр.). Дефицита, кроме нескольких болезненных секторов, не намечается, даже наоборот.

Самое главное, что сделали те, кто вводил против России санкции, — они уничтожили свою инфраструктуру влияния, обнулили цифровые платформы. Не сбылась американская мечта — украсть, вывезти и там пожить как люди. Все, что есть, осталось в России. Соответственно, вариантов два: либо план настолько глубинный, что никто не понимает, в чем он состоит (или его вовсе нет), либо они не осознают наших сильных и слабых сторон и исходят из своей реальности. Вот над чем, уважаемые патриоты в большинстве своем и непатриоты в глобальном меньшинстве, я еще раз предлагаю задуматься.

В. Е. ЛЕПСКИЙ: — Хочу сказать несколько слов о наличии методик оценки не столько патриотичности, сколько профессионализма, который связан с патриотизмом. Надежда Гегамовна права в том, что существуют индикаторы, но их мало. Любые опросы — социологические, психологические и прочие — не подходят.

После перестройки один из председателей Совета министров решил отбирать на министерские посты, руководящие должности компетентных людей. Он обратился в Институт психологии, который разработал блестящую методику. С претендентом на должность четыре специалиста проводили перекрестный опрос о мотивации. Эта методика прекрасно показывала, кто есть кто. Но оценивать напрямую — бессмысленно и даже вредно для человека. После этого, правда, властные структуры пошли по другому пути, и отбор высокопоставленных руководителей проводился по признаку не компетентности, а лояльности к руководству. В результате в аппарате предыдущего министра образования и науки были три слоя руководителей, и среди них — ни одного специалиста по образованию и науке. Таковы реалии, но мы их изменим.

А. В. ШЕРШУКОВ: — Я придумал короткое стихотворение о патриотизме в виде диалога: «Вы патриот? Да, патриот. Ну вот». И дальше его можно интерпретировать в разных направлениях.

Во-первых, я хотел бы акцентировать внимание на том, что в этой теме пока превалирует обсуждение формы контроля над формой развития.

Во-вторых, оценка патриотизма радикально изменилась после 24 февраля. Положа руку на сердце, хочу сказать: я не ожидал, что буду часто соглашаться с Рамзаном Кадыровым. Я неоднократно бывал в Грозном, но у меня другой взгляд на оценку ситуации в Чеченской Республике, включая религиозную основу. Тем не менее после 24 февраля я часто солидарен с его мнением.

В-третьих, ритуальная часть и содержание патриотизма. Отказ от ритуальной части сложен. Допустим, я являюсь атеистом, но не могу представить, что в рамках РПЦ откажусь от Пасхи. Это ритуал, в который люди должны верить, а не просто обряд. С содержанием дело обстоит сложнее. Я предложил бы следующую трактовку содержания патриотизма: патриотизм развивается тогда, когда о нем начинают писать хорошие неказенные стихи. Замечательные поэты Вера Полозкова, Анна Долгарева и Игорь Караулов диаметрально противоположно трактуют то, что происходит в нашей стране, патриотизм и пр. Я отдаю должное таланту Веры Полозковой (как и таланту Ивана Бунина с «Окаянными днями»), но мне близка тематика стихотворений Долгаревой и Караулова. В этом смысле нельзя пренебрегать и эстетикой.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется кандидату педагогических наук Олеся Петровне Кутькиной.

О. П. КУТЬКИНА: — Я буду говорить о насущном — об образовании, потому что оно во все времена во всех государствах является фундаментом. Мне хотелось бы обозначить болевые точки, от которых следует избавиться, излечив их.

Вчера на пленарном заседании и сегодня на секционном заседании неоднократно говорилось о ЕГЭ, Болонской системе, переходе к специалитету, советской системе образования. Сто лет назад в нашей стране потерпела крах система императорского образования, которое имело гораздо более длительную историю, нежели тридцатилетний период современного российского образования. И, наконец, люди переживали те же самые эмоции и размышляли, что делать. Но советская система образования себя оправдала. В 1960-е годы она вошла в пятерку, а в 1970-е годы — в десятку лучших систем образования мира.

В первом десятилетии существования Российской Федерации, в конце 1990-х — начале 2000-х, наше образование по-прежнему входило в десятку систем образования, но только уже не в первую, а в последнюю. В настоящее время ситуация не изменилась. И когда сегодня говорят о том, что Россия должна выйти из Болонской системы, хочу сказать, что мы туда и не входили. Многие высказываются в том смысле, что нужно вернуть специалитет. Что конкретно вернуть? Просто поменять двухуровневую систему на одноуровневую, а в качестве послевузовского образования предложить аспирантуру? Формально добавить еще один год обучения, увеличить нагрузку на преподавателей, получить больше госзаданий, ввести дополнительные предметы для студентов?

Считаю, что сегодня нужно решить две важные проблемы: первая — профориентация, вторая — трудоустройство. Как правило, выпускники не стремятся устроиться по полученной специальности. Им нужно все и сразу: личный кабинет, высокая должность и большая заработная плата. У них нет четкого понимания профессионального развития, карьерного роста, отсутствует желание что-либо улучшить, усовершенствовать и т. д. Усугубляет проблему фриланс: хочу — работаю, не хочу — не работаю. Это проблема современного общества. А государство вкладывает огромные деньги в образование.

Что касается школьного образования, то здесь ситуация удручающая. Действительно, в старших классах происходит «натаскивание» на сдачу ЕГЭ, а тем предметам, по которым ЕГЭ не предусмотрен, уделяется очень мало внимания. Поэтому из-за слабой подготовки первокурсников в первый год обучения в вузе нам фактически приходится восполнять школьные знания, а через несколько лет специалисты, получающие дипломы о высшем образовании, имеют недостаточный уровень квалификации. Поэтому если нам предстоит реформа системы образования, то начинать надо со школы. На мой взгляд, лучше всего вернуть советскую модель фундаментального школьного образования.

Система высшего образования также нуждается в совершенствовании. В первую очередь надо проводить исследования и делать научно обоснованные прогнозы развития рынка труда. Какие специалисты будут нужны обществу через несколько лет? В Советском Союзе была плановая экономика, и государство четко понимало, сколько специалистов потребуется и где они будут работать. Сегодня ничего подобного нет. Коллеги, которые работали еще в советский период, подтвердят: раньше от

преподавателей не требовалось писать кипы программ, методичек и т. п. Все руководства и другие документы разрабатывались на уровне учебно-методического объединения, которое ставило задачи, и преподаватели работали по четким программам. Теперь образовательные учреждения в этом плане «свободны»: учат чему хотят и как хотят. Но это означает ответственность за то, чтобы выделить фундаментальное ядро профессии, которой они обучают, и определить базовый набор знаний, умений и навыков, необходимых специалисту. Причем важно ориентироваться и на современное развитие, и на перспективу, и еще непременно сформировать у студентов так называемые мягкие навыки, без которых ни о каких достижениях не стоит и помышлять. Более того, все больше востребованы знания и компетенции на стыке наук, то есть специалисты в узких областях имеют значительно меньше шансов на успех, чем более широкообразованные инженеры, экономисты и пр.

Таким образом, когда мы говорим о том, какая система образования требуется России, мы не можем делать ставку на чьи-либо успешные примеры. Копия всегда хуже оригинала. Сегодня очевидна тенденция к «гибридному» образованию и построению индивидуальных образовательных траекторий для студентов.

Дорогие студенты, скажите, если вам дадут список из 100 наименований предметов и скажут, что надо выбрать 20 для изучения на первом курсе, столько же — на втором, третьем и так далее, вы сможете сделать такой выбор?

— Да! (*реплики из зала*).

Но чем будет мотивирован ваш выбор? В основном тем, что вам это покажется интересным. А насколько это будет полезно, пригодится ли в будущем — определить довольно сложно. К тому же современные студенты с большим трудом воспринимают поток речевой информации — им нужна визуализация, эффекты. Поэтому система образования требует новых подходов, модернизации. Нужно учитывать особенности новых поколений студентов, потому что нынешняя молодежь существенно отличается от своих предшественников по мироощущению, восприятию информации. Я называю современных студентов серферами, потому что они легко лавируют в информационном пространстве, могут быстро находить любые данные. Но большой вопрос, умеют ли они адекватно оценивать их, грамотно пользоваться полученной информацией. Поэтому образовательная система должна формироваться с учетом новых плюсов и минусов.

А. Р. КЕТОВ: — Я шесть лет проработал школьным учителем и могу подтвердить: проблемы вузовского образования берут свое начало в средней школе. Сейчас принято жаловаться на чрезмерное количество документов, которые должны вести педагоги, но я считаю, что главная проблема в другом. С одной стороны, у нас по всем предметам объемные программы, которые ученик со средними способностями не может освоить; с другой — отсутствует механизм отбора сильных учеников, которые «потянули» бы эти программы. При переходе из девятого в десятый класс фактически нет реальных экзаменов. Складывается порочная практика, когда образование заменяется имитацией бурной деятельности. Оценки «рисуют», учителя отчитываются о том, что программа пройдена, хотя в реальности 90 % учеников ее не освоили. Складывается противоречие, которое в рамках сегодняшней системы не преодолеть, особенно если обучение в школе сделать

12-летним. Это будет профанация, которая затем перейдет в высшую школу. Формальные перемены не дадут ожидаемых результатов.

О. П. КУТЬКИНА: — В последние 20 лет особое внимание уделяется качеству образования. Развиваются институты менеджмента качества, недавно все образовательные организации прошли независимую оценку качества. Что при этом учитывается? Качество оказания услуг!

В 2014 году законом «Об образовании» было введено понятие «образовательная услуга», которая оказывается в разных учреждениях — от детских садов до вузов. Потребителями услуг являются разные категории обучающихся, которые вместе с родителями теперь диктуют условия их оказания. Это первая проблема. Вторая — статус учителя. Я училась в педагогическом вузе в 1990-е годы. Нам давали фундаментальные знания предмета, то есть я, учитель физики, придя в школу, не испытывала проблем со знанием физики. Да, мне, как молодому педагогу, надо было выстроить коммуникацию с учениками, выбрать методику и совершенствовать ее. Может, придумать что-то свое.

Сегодня ситуация совершенно другая. Уровень знаний у молодых учителей-предметников недопустимо низкий, вплоть до того, что преподаватели русского языка допускают орфографические ошибки. При этом на них давят родители, предъявляющие жесткие требования. А учитель беззащитен, ему проще поставить пятерку, нежели вступать в конфронтацию с агрессивной мамой. Плюс различные проверки. Например, проверяют доброжелательность и вежливость преподавателей. Или наличие зоны отдыха в вузе. И так далее. Кроме того, стандарты, которые разрабатывались когда-то, несовершенны. Свобода в разработке образовательных программ приводит к тому, что качество образования нередко страдает.

Д. В. ЛОБОК: — Слово предоставляется профессору Владимиру Евгеньевичу Лепскому.

В. Е. ЛЕПСКИЙ: — Замечательный философ, академик Вячеслав Семенович Степин ввел понятие техногенной цивилизации, примером которой является западная модель развития. Ценности, на которых базируется техногенная цивилизация, — наука, научно-технический прогресс; социальные ценности при этом считаются неважными и игнорируются. В такой модели рождаются технократы. Но это западный инструмент, который сегодня великолепно используется, например, в цифровых трансформациях, искусственном интеллекте, как инструмент рефлексивного управления человечеством в интересах глобалистского проекта. Сегодня российские философы, в том числе Надежда Гегамовна, участвуют в подготовке специалистов МГТУ и физиков в «Дубне», обучая их максимальному введению социальных ценностей, культуры в инженерную деятельность.

Чем еще плоха техногенная цивилизация? Она нивелирует другие локальные цивилизации, а это очень выгодно для тех, кто хочет манипулировать и перехватывать управление. Сегодня Институт философии работает над концепцией посттехногенной цивилизации как российским предложением, не игнорируя ценность науки, научно-технического прогресса, но ставя в центр проблематику социальных ценностей. Здесь у нас есть хороший задел, в то время как на Западе таких моделей подхода практически нет. Это связано с тем, что они, особенно американцы, боятся увидеть целостную картину. Если по-

смотреть на управление в целом, то сразу видна колониальная политика потребления за счет других. Они предпочитают сетевой подход. А с точки зрения Степина, сети — это этап неклассической научной рациональности, они не выходят в постнеклассику, которая ставит во главу угла субъектов, их взаимодействие, связи с культурой, ценностями и пр. Лучше других выглядят англичане с их многовековой культурой, а США вообще работают на штампованных алгоритмах и парадигмах. Но уже далеко не везде эти технологии срабатывают. Когда мы решаем проблемы социальной инженерии, нам не обойтись без специалистов с естественно-научным образованием.

Вчера на пленарном заседании много говорили о проблеме сохранения суверенитета и необходимости идеологии, но никто так и не ответил на вопрос, что делать и как. Потому что конструктивные ответы могут найти только люди с инженерным образованием и одновременно с хорошей гуманитарной подготовкой.

Надежда Гегамовна подняла потрясающий вопрос о счастье. Что значит быть счастливым? Приведу пример: по уровню счастья Венесуэла занимает одно из последних мест в мире по объективным показателям, но по социологическим опросам — в первых рядах, то есть граждане Венесуэлы — счастливые люди. Какие показатели здесь объективны? Это зависит от культуры, от мечты, которая есть (или ее нет) у народа.

Я много раз бывал в США, неплохо знаю эту страну. Но мне не хотелось бы там жить. Почему они все время улыбаются? Почему у них все поголовно ходят к психотерапевтам? Считаю, что в этом плане мы имеем преимущество: у православных все друг другу психотерапевты, которым можно поплакать в жилетку. Там это невозможно в принципе. Если тебе плохо, значит, ты неугоден Богу, и в таком случае мне тоже неугоден. От «неудачников» шарахаются, поэтому на лица вечные улыбки: «У меня все отлично!»

А как они относятся к «чужим»? В этом смысле очень показателен популярный фильм «Аватар», собравший множество премий. Эпизод из фильма: герои прилетают на другую планету и видят гору, а под ней несметные богатства. Собирается военное командование и принимает решение, что это святая гора, а под ней законная добыча. На чужой планете! И начинают разрабатывать план уничтожения местного населения. Все это весьма наглядно характеризует американцев как нацию.

Представьте, что в США две машины столкнулись на перекрестке. Как ведут себя водители? Улыбаются, расшаркиваются. Но это всего лишь потому, что существует внешний контроль. А без него это настоящие звери, потому что внутренний контроль у них, в отличие от нас, не воспитан. Они с превосходством относятся ко всей планете, потому что они потребители. Так что приходим к закономерному выводу: нас хотят просто уничтожить.

Американцы по-разному относятся к специальной военной операции на Украине: кто-то поддерживает, кто-то критикует — там немало здравомыслящих людей. Я столкнулся с этим сразу после ее начала, 25 февраля. Мы получили письмо из Международной академии систем и кибернетических наук (International Academy for Systems and Cybernetic Sciences)¹: «Мы решили разместить на нашем сайте критическую информацию о событиях на Украине. Если вы не ответите в течение трех дней, то мы считаем, что вы согласны». Я ответил через час. Постарался объяснить, что это не просто конфликт между Россией и Украиной, а цивилизационный конфликт, у него есть веские

¹ https://wiki5.ru/wiki/International_Academy_for_Systems_and_Cybernetic_Sciences.

и объективные причины и т. д. Через два часа ответ: «Да, вы правы, мы передумали». Поэтому сегодня надо работать и с Востоком, и с Западом. Наука не может быть национальной — она, безусловно, должна быть интернациональной. Поэтому ученые всего мира должны работать вместе.

Несколько слов о ЕГЭ. Сегодня в элитарных школах США пользуются нашими учебниками математики и физики. Финляндия, где школьное образование признано лучшим в мире, взяла за образец российскую систему. А что произошло у нас? Абсолютный развал! Кто был к этому причастен? Могу назвать фамилии. Евгений Ясин, который работал научным руководителем Высшей школы экономики, курировал внедрение ЕГЭ, под его руководством готовились все документы. То есть этим занималось не профильное министерство, а Высшая школа экономики. Но главное — велась идеологическая работа с целью «отменить» все, что было и есть позитивного в нашей истории и культуре.

Вчера на пленарном заседании прозвучали два лейтмотива: первый — как сохранить суверенитет России, второй — как нам выйти на позитивное проектирование будущего, консолидировать государство, общество и бизнес. Чтобы найти ответы на эти вопросы, снова обращаемся к академику Степину. В постнеклассической научной рациональности в центре находятся субъекты. И если мы не сможем понять, что за субъект представляет собой коллективный Запад, то мы не сможем с ним взаимодействовать. Поэтому надо строить модель.

Я считаю (и у меня есть доказательства), что по всем характеристикам сегодняшний коллективный Запад — это тоталитарная секта. В период перестройки к нам внедрили много культовых организаций — не только религиозных, но и образовательных, психотерапевтических и пр. В культовой организации главный вопрос — рефлексия. Как мы относимся к ней? Американцы и Запад вообще относятся к рефлексии очень серьезно, полностью блокируя ее и у себя в Европейском союзе, и в других государствах. Для этого используются десятки технологий. Цель — отучить людей думать, чтобы они перестали понимать, что вокруг них происходит.

В России практикуется цивилизационный подход, не связанный с тем, чтобы гасить культурное разнообразие, рефлексивность и еще пять базовых качеств: целеустремленность, рефлексивность, коммуникативность, социальность, способность к развитию. Но у нас во время перестройки их погасили. И сегодня необходимо их восстанавливать. Модель развития общества будет перестроена, молодежь сможет использовать социальные лифты и успешно самореализовываться в будущей России. Нам предстоит большая и сложная работа.

Д. В. ЛОБОК: — Следующим выступит профессор Николай Николаевич Ярошенко.

Н. Н. ЯРОШЕНКО: — На пленарном заседании говорили в основном о культуре, употребляя термины «идеология», «ценности» и т. п. Но на самом деле предметом нашего обсуждения является именно культура. Почему в тот момент, когда начался нынешний кризис в отношениях с внешним миром, мы острее всего переживаем не тот факт, что в Россию перестали завозить некоторые товары или ограничили продажу энергоресурсов — нет, больше всего нас затронуло исключение из мирового культурного пространства. Насколько я могу судить по реакции своих коллег, студентов и даже членов семьи, это за-

девает каждого. То есть «отмена культуры» переживается обществом особенно болезненно. Это неслучайно, потому что причастность к своей стране ощущается довольно остро, хотя и трудно вербализуется. Впервые за много лет работы педагогом я вдруг почувствовал, что оказался реально на поле боя, потому что те идеи, которые можно высказывать с высокой трибуны, имеют непосредственное отношение к личности человека и становятся ее частью только тогда, когда выстраивается системно организованный воспитательный процесс.

Современное образовательное пространство не исчерпывается школами и университетами. Сегодня оно насыщено огромным множеством факторов — широким перечнем субъектов, институций, возможностей. Понимая сложность среды, в которой формируется личность гражданина России, Президент РФ в 2014 году подписал указ «Об утверждении Основ государственной культурной политики» — важный стратегический документ, который впервые за многие годы обозначил то, что мы называем идеологией. Сегодня нашей идеологией являются культура и идентичность. То есть культура становится стратегическим ресурсом, поэтому она должна быть поддержана на всех уровнях функциональной организации, получить импульс для развития. И поэтому многие начинают заниматься изучением именно культурной политики и всего, что с ней связано.

Под эгидой Министерства культуры работает Российский научно-исследовательский институт природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачева. Это крупное научно-исследовательское учреждение, созданное на базе двух отраслевых НИИ. Сегодня его возглавляет бывший министр культуры Владимир Владимирович Аристархов. Этот институт продуцирует базовые документы, которые, по сути, должны выражать ту идеологию, о которой мы так много говорим. В частности, выступая недавно на большой конференции в нашем вузе, Аристархов рассказал о том, что ведется работа по подготовке нового документа о государственной культурной политике. Пока идут споры о том, как будет называться этот документ: «Государственная культурная политика» либо «Государственная гуманитарная политика», потому что разработчики хотят охватить как можно более широкое проблемное поле и показать, что не только в институциях культуры, но и в других учреждениях и сферах деятельности размышляют и трудятся над формированием нашей национальной идентичности. Таким образом, уже, наверное, поздно артикулировать идеологию.

Однако даже те формулировки, над которыми бьются лучшие умы, не всегда бывают удачными. Приведу пример. Месяца три-четыре назад в прессе поднялся большой шум по поводу списка традиционных российских ценностей (кстати, этот список был подготовлен все тем же Институтом природного и культурного наследия). Шок вызвало то, что наши основные ценности были просто перечислены и ранжированы. Сразу возник вопрос: это полный список или он будет дополняться? И вообще, можно ли говорить о ценностях подобным образом? К сожалению, такой способ формулировки идеологии с помощью перечисления чего бы то ни было вряд ли можно назвать адекватным. Идеология фактически должна вырасти из идеи, которую солидарно примут все, кто живет в стране.

В связи с гимном у нас есть семейная история. В ночь с 31 декабря на 1 января президент России поздравляет соотечественников с Новым годом, после этого бьют куранты и звучит государственный гимн Российской Федерации. В этот момент в моей семье дети начинают подпе-

вать, а сын говорит: «Папа, только ты не пой». Я автоматически произношу слова, выученные в детстве: «Партия Ленина — сила народная / Нас к торжеству коммунизма ведет!» Этот текст давно у меня в подкорке. Прямо по Льву Выготскому: внешнее требование интериоризуется и становится частью личности. Но вот что интересно. «К торжеству коммунизма ведет» — это о будущем! В старом тексте была сформулирована идея будущего! Это то, чего нам остро не хватает сегодня. Мы не можем отчетливо сказать, какое будущее хотели бы построить — для страны, для себя и следующих поколений россиян. Да, мы хотим видеть свою страну богатой, счастливой, безопасной, но мы живем в такой стране уже сегодня.

Григорий Михайлович предложил метафору: страна как остров. Но на островах живут люди, которые организуют это пространство. Если россияне пытаются «выселить» на «остров», то для этого намеренно «копают» вокруг страны «ров», чтобы изолировать нас. Но будущее, в котором мы хотели бы жить, — за мостами. Несмотря ни на что нам предстоит наводить мосты даже с теми людьми, которые сегодня отменяют нашу культуру, потому что все мы живем на одной планете.

Сейчас мы выходим из болонских соглашений, и нас это радует. Но я хочу напомнить, что мучительный переход российского образования на Болонскую систему был во многом обусловлен играми чиновников, которые превратили этот процесс в средство своего обогащения. Боясь, что выход из этой системы окажется не менее мучительным. Надо отнестись к этому внимательно и постараться не выплеснуть из ванны ребенка вместе с водой, то есть не отказываться от здравых идей, которые есть в Болонской системе.

И еще раз об идеологии. Науки, которые осмыслиют процессы формирования идеологии, идей будущего, используют разные подходы. Здесь европейские тенденции чаще всего отличаются от американских: если мы в рамках европейской традиции делаем акцент на гуманитарную составляющую, которая восходит к немецкой классической педагогике, то в США это скорее пример научно-исследовательского мышления. Мы мыслим в рамках *Wissenschaft* — науки, обогащенной целостным гуманитарным представлением о том, что в мире сегодня существует и как мы это видим; пытаемся сочетать естественно-научное знание с обобщающим видением, пронизывающим рентгеновскими лучами все происходящие процессы. Американская же методика — типичный *Science*, то есть более узкий и конкретный подход.

Таким образом, один из главных путей, которые наша страна выстраивает на будущее, — это путь к самодостаточности, восприятию самих себя как состоявшихся, много умеющих и способных к достижениям, как тех, у кого есть все основания для того, чтобы будущее было безоблачным, чтобы мы и наши дети жили в счастливой стране.

Д. В. ЛОБОК: — В советские годы мы очень увлекались историческими романами, среди которых одним из самых популярных был роман-хроника «Нечистая сила» Валентина Пикуля. Сюжет этого романа, по-моему, можно назвать вечным. В деревню, где раньше жил Распутин, приехал пристав, и народ сбегался послушать, что в мире нового и, главное — чего еще бояться.

Почему я об этом вспомнил? Когда мы собираемся и обсуждаем проблемы современности, всегда возникает вопрос: чего еще бояться, какие новые напасти нас ждут? Но в этот раз наша секция мне понравилась своим оптимизмом. Никто не кричал: «Все пропало!» — напротив,

мы искали пути выхода из сложившейся ситуации. Все участники выступили в позитивном ключе. Практически ни один из нас не задавался вопросом: «Кто виноват?», и это уже хорошо, потому что виноватых ищут, когда в обществе высока социальная напряженность и неизвестно, что с этим делать. Мы же не ищем, кого следует наказывать, а пытаемся смотреть в будущее.

И еще у меня возникла идея: может быть, пора написать книгу «Прокрустово ложе глобализации»? Ведь нам постоянно твердили, что глобальный мир означает бесконечные возможности: все страны открыты, можно поехать в любую страну работать или отдыхать. Но вдруг выяснилось, что в этом глобальном мире очень много ограничений, созданных в интересах определенных элит и финансовых групп. Существующие правила как прокрустово ложе: не влезашь — отрубим лишнее. Но Россия слишком большая страна, она не вписывается в такой глобальный мир, который играет по правилам бенефициаров. И нам уже предлагают: «Вам надо войти в глобальную экономику частями, так что давайте мы вас на кусочки распилим. Например, сначала Санкт-Петербург закинем в эту топку, потом Урал и т. д.». Такая Россия, как сейчас, для глобализации не подходит: слишком велика и самостоятельна. Действительно, Россия — очень большая страна, западным элитам ее не «переварить». В отличие от Словении, Словакии, Литвы, которые единое европейское сообщество проглотило — и никто не заметил. А как поглотить Россию?

Лично у меня сомнения в безусловной пользе глобализации зародились в 2002 году, когда я волею судеб оказался в Генуе и увидел там антиглобалистские выступления. Поразило, что на демонстрацию вышло около 250 тыс. человек. Заинтересовался, чем они недовольны: все же так прекрасно — единая Европа, нет границ и т. д. Оказывается, те проблемы, о которых мы говорим сегодня, в Западной Европе называли уже тогда: молодежная безработица, постепенный отказ от предоставления социальных гарантий... Но протестующим быстро объяснили, что им следует винить не евроинтеграцию, не либеральную экономическую политику и не диктат со стороны европейских комиссаров. Просто есть большая Россия, и из-за нее гармония в Европе наступить не может.

Теперь они реализуют свои идеи на практике. Обратите внимание: сегодня в Европе нет антиглобалистских выступлений, настроения сильно изменились. Кроме небольшой группы левых партий уже никто не кричит: «Долой мировой капитализм!», хотя противоречия не исчезли. Просто переключили внимание: решим проблему с Россией — и ваши проблемы тоже решатся. Сегодня в Европе происходит переформатирование общественного мнения. Последние события в мире неизбежно поставят в повестку дня вопрос о перспективах развития человечества и вовлекут в политическую жизнь миллионы ранее аполитичных людей. Вчера на пленарном заседании говорили о левом повороте. Возможно, он произойдет, но не так, как раньше, а в новом качестве. Так что времена предстоят интересные, конфликтологи точно без работы не останутся.

А. В. ШЕРШУКОВ: — В своем выступлении я использовал термин «технократ» — как вы поняли, в иро-

ническом смысле. Дело в том, что несколько лет назад в губернаторских выборах начали участвовать новые персонажи — молодежь, в очках и при галстуках. Их стали называть технократами, подразумевая, что эти люди обладают определенным комплексом необходимых знаний и навыков, которые позволяют им без эмоций и лишних размышлений решать любые проблемы. Но в одном из регионов случился конфуз: перед выборами в некоем Telegram-канале появилась фотография жены кандидата в губернаторы. Дама, одетая в небольшие лоскутки ткани, была сфотографирована у шеста. И подпись: «технократка». То есть народ сделал правильные выводы из данной концепции.

Еще одна тема, которую мы обсуждали, — ЕГЭ. Было бы интересно узнать мнение студентов, которые на своем опыте испытали все прелести ЕГЭ. Думаю, к скульптурной группе Михаила Шемякина «Дети — жертвы пороков взрослых» можно добавить фигуру студента, попавшего или не попавшего в вуз через ЕГЭ. Обсуждая недостатки формализованной системы ЕГЭ, мы не должны забывать о минусах предыдущей системы отбора, которую можно отчасти описать словами Владимира Гиляровского: «В России две напасти: внизу — власть тьмы, а наверху — тьма власти». Непонятно, что лучше: механистический подход ЕГЭ либо в существенной степени коррумпированный отбор, когда акцент делался на личности. Вопрос открытый. Мы не должны идти вперед с головой, повернутой назад. Надо смотреть вперед и вместе заниматься преобразованиями, ведя страну в правильном направлении.

Что касается патриотизма, то хотелось бы отметить, что патриотизм не означает согласия со всем, а просто переустанавливает приоритеты. Неужели 22 июня 1941 года у населения Советского Союза было меньше претензий к Сталину, чем 24 февраля нынешнего года — к Путину, Государственной Думе, Правительству РФ? Ведь до того дня, когда началась Великая Отечественная война, Сталин успел провести коллективизацию, сопровождавшуюся многомиллионными жертвами, потом последовали репрессии — тоже с огромным количеством жертв. Тем не менее общественный консенсус был достигнут сразу: Родину надо защищать. Сейчас у нас тоже достигнут «донецкий консенсус» (это не мой термин). Хотя и с существенными оговорками, но согласие, в общем, есть.

В завершение процитирую одно из стихотворений Игоря Караулова:

Фронт катится вперед, как белая гора,
сметает рубежи пылающая лава.
Сегодня фронт идет быстрее, чем вчера,
и реет русский Спас над Святогорской лаврой.
Враг бьет из всех стволов, но наши прут вперед,
местами тяжело, местами бестолково.
Сегодня фронт идет в четырнадцатый год,
чтобы сомкнуть ряды с ребятами Стрелкова.
Так через восемь лет сюжет пустился вспять,
сквозь тьму перипетий стремясь к своей завязке.
Убитые встают. Не время умирать.
Сирень слепит глаза, и фронт идет к Славянску.